

ПОЭТИКА КОСТЮМА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ А.С. ПУШКИНА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

На основе эпистолярных и мемуарных свидетельств современников А.С. Пушкина анализируются наиболее информативные в контексте культурологического знания костюмные сюжеты из повседневной жизни поэта. Исследуется семантический потенциал костюмных текстов как биографических текстов культуры.

Ключевые слова: костюм, А.С. Пушкин, повседневная жизнь, биографические тексты культуры.

Для культуролога личность талантливого писателя, а тем более Гения, интересна во всех своих проявлениях, в том числе в контексте любых деталей и подробностей той среды, которая ежедневно окружала его как человека частного. В число последних входят и те, что составляют костюмные сюжеты повседневной жизни классиков русской литературы. Как уже отмечалось в работе «Костюмные тексты в произведениях А.С. Пушкина в культурологическом прочтении», структуру костюмных текстов, наряду с иными компонентами, образуют этикетные нормы ношения костюма, костюмные вкусы и предпочтения, а также эмоциональные переживания субъектов костюмных коммуникаций [1. С. 31]. Помимо художественных текстов, детали и подробности костюмной среды обитания человека находят свое образное отражение в эпистолярной и мемуарной литературе. Анализ литературных источников позволяет не только составить костюмный портрет писателя, но и при соответствующей оптике прочтения знаковых и символических контекстов костюмных сюжетов выйти на биографические тексты культуры, составляющие «магистральную» линию приватной жизни писателя.

Уникальным источником для исследования повседневной жизни А.С. Пушкина является свод мемуарных и эпистолярных свидетельств современников, собранных в книге В.В. Вересаева «Пушкин в жизни» [2]. Анализ этих свидетельств в контексте поэтики костюмных текстов культуры дает возможность:

- получить общее представление о гардеробе поэта в разные годы его жизни, его личных костюмных вкусах и отношении к своему костюмному облику;
- составить костюмный портрет Пушкина, опираясь на те впечатления, которые он производил своим внешним видом на окружающих – друзей и недругов, поклонников и судий его таланта;
- описать костюмные ситуации в жизни поэта, характеризующие его как «человека повседневного»;
- выявить классические костюмные тексты биографического жанра, в том числе связанные с последней дуэлью и смертью поэта.

В общем случае ассортимент костюмных деталей и подробностей повседневной жизни Пушкина может быть представлен в таких культурологических срезах, как: гардероб и костюмные ситуации; костюм и любовь; костюм, дуэль и смерть, костюмные тексты как историческое наследие.

Гардероб А.С. Пушкина. О гардеробе поэта и костюмных ситуациях, с ним связанных, дают представление свидетельства современников различных чинов и званий, встречавших поэта в разные годы его жизни и при разных обстоятельствах.

Первой форменной одеждой Пушкина, бывшей в течение шести лет неотъемлемой частью костюмного облика будущего поэта, был лицейский мундир. По воспоминаниям воспитанников Царскосельского Лицея, гардероб лицеиста состоял из синего мундира тонкого сукна, белых панталон в обтяжку, ботфуртов, треугольной шляпы и синего форменного сюртука с красными воротниками. С 1812 г. в лицейский гардероб были внесены коррективы: «...вместо белых панталон с ботфортами явились серые брюки; потом, вместо треугольных шляп, – фуражки; наконец, вместо форменных синих сюртуков – серые статского покроя» [2. Т. 1 С. 62–63]. Последнее нововведение весьма обижало лицеистов, т.к. такую же форму носили тогда вне службы и малолетние придворные певчие. Впоследствии синие форменные сюртуки были восстановлены. По другим сведениям на летнее время на каждого лицеиста полагалось по две куртки с панталонами из бланжевой фуфайки. В состав лицейского гардероба входили также белый пикейный жилет, шинель из серого сукна и по две на каждого воспитанника пуховые шляпы: треугольная и круглая. Из прочих аксессуаров – ночной чепчик, бумажный колпак, оленьи перчатки и варежки, полусапожки, башмаки, калоши. Однако, поскольку казенное платье было недолговечно, «все, кому сколько-нибудь позволяли средства, имели свое, прочие же и в дворцовую церковь являлись в заплатках» [2. Т. 1. С. 62–63].

Выйдя из лицея с чином коллежского секретаря Государственной Коллегии Иностранных дел, Пушкин был готов сменить ученический мундир на мундир кавалерийского офицера. Но отец его, Сергей Львович, «отговаривался недостатком состояния» [2. Т. 1. С. 100]. По свидетельству близких, родители Пушкина постоянно нуждались и дети не всегда получали деньги даже на мелкие расходы. Друг Пушкина С.А. Соболевский рассказывал, что Пушкину «приходилось упрашивать отца, чтобы ему купили бывшие тогда в моде бальные башмаки с пряжками». В ответ на просьбу сына скуповатый «Сергей Львович предлагал ему свои старые, времен Павловских» [2. Т. 1. С. 100].

Внешний вид поэта со всеми странностями его костюмного поведения неизменно привлекал внимание окружающих, вызывая самые разные эмоции – от досужего любопытства, восхищения и желания подражать до недоумения и даже раздражения.

По воспоминаниям современников молодой Пушкин 1818–1820 гг. «носил широкий черный фрак с несколько фалдами, а l'americaine и шляпу с прямыми полями a la Bolivar, о которой после упомянул он, описывая наряд Онегина» [2. Т. 1. С. 109–110]. В светский гардероб поэта

входил и испанский плащ, который по тогдашней моде поэт носил, закинув одну полу на плечо [2. Т. 1. С. 119]. Испанским плащом в то время называли альмавиву – мужской широкий плащ без рукавов, длина которого зависела от моды. Название плаща связано с именем одного из персонажей комедии П.О. Бомарше «Женитьба Фигаро» [4. С. 17]. В те же годы Пушкин стал отращивать длинные ногти, не изменив этой привязанности до конца жизни, а на один из них, чтобы не сломался, «надевал золотой футляр» [2. Т. 1. С. 119–120].

Южная ссылка пополнила гардероб поэта новыми «эксклюзивными» образцами одежды. Так, в майский день 1820 г. на пути в Екатеринослав Пушкина видели одетым в красную русскую рубашку с опояском и в поярковой шляпе [2. Т. 1. С. 146]. Пребывая в Кишиневе (сентябрь 1820 – август 1823 гг.), Пушкин меняет костюмы, «как перчатки», получая удовольствия от производимого им маскарадного эффекта в публике. *«То, бывало, появляется он в костюме турка, в широчайших шароварах, в сандалиях и с феской на голове, важно покуривая трубку, то появится греком, евреем, цыганом и т.п. Разгуливая по городу в праздничные дни, он натывался на молдавские хороводы и присоединялся к ним, не стесняясь присутствующими, которые, бывало, нарочно приходили «смотреть Пушкина» [2. Т. 1. С. 185]. По словам кишиневских жителей, «одежду ему давали знакомые дамы. <...> А когда же гуляет в обыкновенном виде, в шинели, то уж непременно одна пола на плече, а другая тянется по земле. Это он называл: по-генеральски» [2. Т. 1. С. 203].*

По кишиневским улицам Пушкин прогуливался «с железной палицей в руке, иногда даже, так как он с Кишиневом не церемонился, в пестром архалуке» [2. Т. 1. С. 186]. В кишиневском театре поэт появлялся в застегнутом на все пуговицы черным фраке и такого же цвета шароварах [2. Т. 1. С. 164]. Очевидцы рассказывали, что по причине не однажды перенесенной им горячки, Пушкин «принужден был не раз брить себе голову», а потому, не желая носить парик, заменил его фескою «и так являлся в коротком обществе» [2. Т. 1. С. 166].

Сохранились свидетельства о деталях домашнего гардероба Пушкина кишиневского периода. Так, зимою «по утрам приказывал вытопить хорошенько печь и принимался ходить по комнате, шлепая турецкими туфлями» [2. Т. 1. С. 181]. «Летом он разоблачался совершенно и производил все свои ночные эволюции в комнате во всей наготе своего натурального образа» [2. Т. 1. С. 183].

В повседневной жизни Пушкина, особенно в молодые его годы, нередко возникали внештатные костюмные ситуации, провоцируемые самим поэтом. Необычное и зачастую эпатажное поведение Пушкина неизменно привлекало внимание публики. Некоторые из костюмных эпизодов, описанных мемуаристами, носили откровенно скандальный характер, и, возможно, именно это обстоятельство вызывало у Вересаева сомнение в их правдоподобии. Но Пушкин интересен не только подлинными событиями своей жизни, но и теми легендами и слухами, рождению которых он, по своей воле или случая, давал повод даже после своей смерти.

Так, будучи в Екатеринославе, в один из жарких летних дней поэт был приглашен на обед к губернатору

Шемиуту. *«Собрались гости, явился и Пушкин, и с первых же минут своего появления привлек все общество в большое замешательство необыкновенною экстраординарностью своего костюма: он был в кисейных панталонах, прозрачных, без всякого исподнего белья. <...> Хотя все были очень возмущены и сконфужены, но старались сделать вид, будто ничего не замечают; хозяева промолчали, и Пушкину его проделка сошла благополучно. А.М. Фадеев» [2. Т. 1. С. 148].*

По словам кишиневских старожилов, Пушкин, любивший прогуливаться по городу, не вылезая из седла, как-то «увидел у одного окна хорошенькую головку, дал лошади шпоры и въехал на самое крыльцо. Девушка, испугавшись, упала в обморок, а родители ее пожаловались Инзову. Последний за это оставил Пушкина на два дня без сапог» [2. Т. 1. С. 185].

В другой раз, заметив у одной молдаванской барыни привычку садясь на диван снимать свои башмаки, которые по своему фасону позволяли легко это сделать, Пушкин стащил их, зацепив своей тростью. Не найдя своих башмаков, барыня вынуждена была в одних чулках дойти до дверей, где Пушкин, извинившись «в нечаянно совершенном им поступке», возвратил хозяйке ее пропажу [2. Т. 1. С. 186].

По улицам Одессы (июль 1823 – июль 1824 гг.) Пушкин прогуливался в черном сюртуке, в фуражке или черной шляпе и с железной палкой. «Сюртук его постоянно был застегнут, и из-за галстука не было видно воротничков рубашки». А в казино, о котором поэт упоминает в «Онегине» при описании Одессы, «сизживал он иногда в своем кишиневском архалуке и феске» [2. Т. 1. С. 215].

Один из одесских старожилов, бывший во времена Пушкина студентом Ришельевского лицея, признавался, что «больше знал суковатую палку, длинные волосы и, в противоположность моде, загнутые вниз воротнички рубашки Пушкина, нежели его сочинения» [2. Т. 1. С. 226–227]. Другой из воспитанников заведения вспоминал, как в июле месяце 1824 г. во время каникул, когда он как раз собирался «секретно прочитать» добытую им поэму «Руслан и Людмила», в класс вошел неизвестный «в странном костюме: в светло-сером фраке, в черных панталонах, с красной феской на голове и с ружейным стволом в руке вместо трости». После короткого разговора незнакомец спросил: «Читали вы Пушкина? – Нам запрещено читать его сочинения. – Видели вы его? – Нет, я редко выхожу из заведения. – Желали бы его видеть? – Я просто душно отвечал. Он усмехнулся. Посмотревши на меня, сказал: – Я Пушкин, прощайте» [2. Т. 1. С. 252].

Пребывание Пушкина в сельце Михайловское (август 1824 – сентябрь 1826 гг.) пополнило костюмную биографию Пушкина новыми сюжетами с переодеванием. Один из них связан с появлением поэта 29 мая 1825 г. в девятую пятницу на ярмарке в Святых Горах. По свидетельству очевидцев, Пушкин был в соломенной шляпе, красной ситцевой рубашке, опоясанной голубою ленточкою и с железной тростью в руке. Другие старожилы рассказывали, что Пушкин в тот день был одет «в крестьянскую белую рубаху с красными ластовками, опоясанный красною лентою». И более того, «не узнанный местным уездным исправником,

был отправлен под арест за то, что вместе с нищими, при монастырских воротах, участвовал в пении стихов о Лазаре, <...>, тростию же с бубенчиками давал им такт, чем привлек к себе большую массу народа и заслонил проход в монастырь – на ярмарку» [2. Т. 1. С. 285–286].

Иные вспоминали, что встречали Пушкина «на красивой высокой лошади и был он во фраке с хвостом и под шеей широкий белый галстук-платок <...>, а то <...> в шинели серонемецкого сукна, с бархатным воротником, и подпоясан был широким красным поясом, а концы длинные сзади заткнуты» [2. Т. 1. С. 304]. А весьма почтенные жители Пскова видели Пушкина «переодетым в мещанский костюм, в котором он даже раз явился в один из почетных домов Пскова» [2. Т. 1. С. 307].

Разночтения в деталях костюмного облика Пушкина «суммирует» в своем донесении генералу графу Витту секретный агент, надзиравший за поэтом в период пребывания его в ссылке в Псковской губернии: «В Новоржеве от хозяина гостиницы Катосова узнал я, что на ярмарке Святогорского Успенского монастыря Пушкин был в рубашке, подпоясан розовою лентою, в соломенной широкополой шляпе и с железною тростью в руке; <...> в общих разговорах узнал я, что иногда видели Пушкина в русской рубашке и в широкополой соломенной шляпе; <...> От игумена Ионы о Пушкине узнал я следующее: <...> обыкновенно ходит он в сюртуке, но на ярмонках монастырских иногда показывался в русской рубашке и в соломенной шляпе» [2. Т. 1. С. 316–317].

Приятель Пушкина из соседнего поместья в селе Тригорское, Алексей Вульф, разделявший деревенские досуги поэта, решительно возражает: «Рассказывают, будто живя в деревне, он ходил все в русском платье. Совершеннейший вздор. Пушкин не изменял обыкновенному светскому костюму. Всего только раз, заметьте себе, раз, во все пребывание в деревне, а именно в девятую пятницу после Пасхи, Пушкин вышел на свято-горскую ярмарку в русской красной рубашке, подпоясанный ремнем, с палкою, в корневой шляпе, привезенною им еще из Одессы. Весь новоржевский бошонд, съезжавшийся на эту ярмарку закупать сахар, вино, увидя Пушкина в таком костюме, весьма был этим скандализован» [2. Т. 1. С. 286].

Интересно, что безотносительно авторства свидетельств о костюмном облике Пушкина и времени, к которому они относятся, многих из них сближает указание на ту небрежность, с которой поэт относился к своему костюму. Одно из самых ранних упоминаний об этой особенности костюмного поведения Пушкина относится к 1809–1810 гг.: «Не знаю, каков он был потом, но тогда глядел рохлей и замарашкой, и за это ему тоже доставалось... На нем всегда было что-то и неопрятно, и сидело нескладно. Е.П. Янькова» [2. Т. 1. С. 52].

Поэтическая небрежность Пушкина зачастую становилась причиной невольного замешательства случайных собеседников поэта, не ожидавших увидеть в нем не только знаменитую личность, но и дворянина. Так, один из мемуаристов рассказывал, как в 1824 г., будучи после окончания университетского пансиона проездом в Чернигове на пути из Петербурга в Киев,

он, войдя утром в залу гостиницы, «увидел в соседней буфетной комнате шагавшего вдоль стойки молодого человека, которого по месту прогулки и по костюму принял за полового. Наряд был очень непредставительный: желтые, нанковые, небрежно надетые шаровары и русская цветная измятая рубаша, подвязанная вытертым, черным шейным платком, курчавые, довольно длинные и густые волосы развевались в беспорядке. Вдруг эта личность быстро подходит ко мне с вопросом: “вы из царскосельского лица?” На мне еще был казенный сюртук, по форме одинаковый с лицейским. Сочтя любопытство полового неуместным и не желая завязывать разговор, я отвечал довольно сухо. <...> – Я Пушкин; брат мой Лев был в вашем пансионе. – Я был сконфужен моею опрометчивостью» [2. Т. 1. С. 256].

Генерал от кавалерии А.А. Куцинский вспоминал, как в молодые его годы будучи в августе 1824 г. в Могилеве, где стоял его учебный эскадрон, он, выйдя погулять, увидел, как «по улице расхаживает кто-то в виде кучеренка, в русской рубашке, высоких сапогах и ермолке, а по сверх всего военная шинель. Появление незнакомца возбудило любопытство. Стали говорить, что это, должно быть, сумасшедший». Каково же было удивление молодого корнета, когда на почтовой станции узнал он, что сумасшедшим тем был коллежский секретарь Александр Пушкин [2. Т. 1. С. 257].

Однако небрежность Пушкина, многократно отмеченная современниками, вполне органично уживалась с дендистскими притязаниями его натуры. По словам А. Вульфа: «Одевался Пушкин, хотя, по-видимому, и небрежно, подражая и в этом, как и во многом другом, прототипу своему Байрону, но эта небрежность была кажущаяся: Пушкин относительно туалета был очень щепетил» [2. Т. 1. С. 286].

Привычке к необычному, для посторонних, костюмному поведению Пушкин не изменил даже во время своего путешествия в Азрум. Пребывая на Кавказе в расположении действующего военного корпуса, поэт, должно быть, как-то по-особенному впечатлил своим внешним видом солдат: «Пушкин носил и у нас щегольской черный сюртук, с блестящим цилиндром на голове, а потому солдаты, не зная, кто он такой, и видя его постоянно при Нижегородском драгунском полку, которым командовал Раевский, принимали его за полкового священника и звали драгунским батюшкой. <...> М.В. Юзефович» [2. Т. 1. С. 485].

По воспоминаниям Я.К. Грота, бывшего в 1828–1829 гг. в числе воспитанников младших курсов Царскосельского лицея, которых поэт осчастливил своим посещением в одну из весен тех лет, ему неожиданно повезло добыть костюмный сувенир от своего кумира. «Пушкин был в черном сюртуке и белых летних панталонах. На лестнице оборвалась у него штрипка; он остановился, отстегнул ее и бросил на пол; я с намерением отстал и завладел этою драгоценностью, которая после долго хранилась у меня» [2. Т. 1. С. 419].

Эмоции светских наблюдателей за поведением поэта были более чем сдержанными: «За исключением одного раза, на балу, никогда я его не видел в нестоптанных сапогах. Манер у него не было никаких. Вообще держал он себя так, что я никогда бы не догадался,

что это Пушкин, что это дворянин древнего рода. <...> Д-р Станислав Моравский» [2. Т. 1. С. 407].

По воспоминаниям другого мемуариста, встречавшего Пушкина в ноябре 1836 г. на «пятнице» у А.Ф. Воейкова, «...на Пушкине был темно-кофейного цвета сюртук с бархатным воротником, в левой руке он держал черную баранью кавказскую кабардинку с красным верхом. На шее у него был повязан шелковый платок довольно густо, и из-за краев этого платка виднелся порядочно измятый воротник белой рубашки» [2. Т. 2. С. 329].

Костюм Пушкина не остался не замеченным и главным модельером Российской империи: «Кстати об этом бале <...>. Вы могли бы сказать Пушкину, что неприлично ему одному быть во фраке, когда мы все были в мундирах, и что он мог бы завести себе, по крайней мере, дворянский мундир; впоследствии, в подобном случае пусть так и сделает» [2. Т. 2. С. 16].

Более чем непритязательным в своих костюмных потребностях являлся Пушкин пред посетителями вне света – в гостиничной или домашней обстановке.

«(Осенью 1826 года) <...>. Он, временно, жил в гостинице, бывшей на Тверской, <...> и я застал его, как обыкновенно заставлял потом утром в Москве и в Петербурге, в татарском серебристом халате, с голою грудью, не окруженного ни малейшим комфортом: так жила он потом в гостинице Демута в Петербурге. <...> Кс.А. Полевой» [2. Т. 1. С. 348].

«Осенью, – эту всегдашнюю эпоху его сильной производительности, – он принимал чрезвычайные меры против рассеянности и вообще красных дней: он не покидал постели или не одевался вовсе до обеда. П.В. Анненков» [2. Т. 1. С. 296].

Костюм и любовь. Женитьба Пушкина не изменила его костюмных привычек. Друзья и знакомые Пушкина, навещавшее его летом 1831 г. в Царском Селе, где молодые жили в ту пору в доме Китаева, вспоминают:

«Пушкина кабинет был наверху <...>. В этой просторной комнате, без гардин, была невыносимая жара; но он это любил, сидел в сюртуке, без галстука. А.О. Смирнова (Россет)» [2. Т. 2. С. 86].

«Однажды в жаркий летний день граф Васильев, зайдя к нему, застал его чуть не в прародительском костюме. «Ну, уж извините, – засмеялся поэт, пожимая ему руку, – жара стоит африканская, а у нас там, в Африке, ходят в таких костюмах» [2. Т. 2. С. 90].

Однако семейная жизнь потребовала от Пушкина значительных расходов на приобретение достойного гардероба для молодой жены. Современники оставили множество упоминаний о нарядах и вкусах Натальи Николаевны. Последние не всегда были в ее пользу.

«Не воображайте однако же, чтоб это было что-нибудь необыкновенное. <...> москвичина отражается на ней довольно заметно. Что у ней нет вкуса, это было видно по безобразному ее наряду; что у нее нет ни опрятности, ни порядка, – о том свидетельствовали запачканные салфетки и скатерть и расстройство мебели и посуды» [2. Т. 2. С. 74].

«Летом 1831 г. в Царском Селе многие ходили нарочно смотреть на Пушкина, как он гулял под руку с женою, обыкновенно около озера. Она бывала в белом платье, в белой круглой шляпе, и на плечах свитая по-

тогдашнему красная шаль. Арк.Ос. Россет» [2. Т. 2. С. 85].

Подробности наряда Натальи Николаевны отметил и профессиональный взгляд И.К. Айвазовского, наблюдавших чету Пушкиных на осенней выставке картин 1836 г. в Академии Художеств.

«Помню, в чем была красавица жена. На ней было изящное белое платье, бархатный черный корсаж с переплетенными черными тесемками, а на голове большая палевая соломенная шляпа. На руках у нее были большие белые перчатки» [2. Т. 2. С. 285].

Бальные наряды Натальи Николаевны, как известно, произвели впечатление на высочайшем уровне.

Н.О. Пушкина – О.С. Павлищевой, 16 марта 1833 г.: «<...>на балу в Уделах она явилась в костюме жрицы солнца и имела большой успех. Император и императрица подошли к ней и сделали ей комплимент по поводу ее костюма, а император объявил ее царицей бала» [2. Т. 2. С. 130–131].

Костюмное поведение Натальи Николаевны стало эталоном изящного вкуса для маленькой дочери Пушкиных Марии.

Н.О. Пушкина – О.С. Павлищевой, 4 января 1835 г.: «<...> Натальи <...> много выезжает со своими сестрами; она привезла ко мне однажды Машу <...>, которая настолько привыкла видеть только изящно одетых, что, увидев меня, начала громко кричать; ее спросили, почему она не хотела поцеловать бабушку; она ответила, что у меня скверный чепчик и скверное платье» [2. Т. 2. С. 210].

Однако для самого Пушкина вся эта «ветошь маскарада» имели самые неожиданные последствия – высочайшее пожалование первому поэту России звания камер-юнкера, обязывающего его появляться на великосветских балах вместе со своею супругою в соответствующем его официальному статусу мундире.

1 января 1834 г. Пушкин записал в своем дневнике: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове» [3. Т. 8. С. 33].

«<...> Александр назначен камер-юнкером. Натальи в восторге, потому что это открывает ей доступ ко двору; в ожидании этого она танцует повсюду каждый день. Н.О. Пушкина – бар. Е.Н. Вревской, 4 янв. 1834 г.» [2. Т. 2. С. 172].

26 января 1834 г. Пушкин описал в дневнике подробности одного из своих костюмных казусов: «В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках – я уехал, оставя Наталью Николаевну, и, переодевшись, отправился на вечер к С.В. Салтыкову. Государь был недоволен <...>: “Он мог бы дать себе труд съездить надеть фрак и возвратиться. Попеняйте ему. В четверг бал у кн. Трубецкого.” <...> Государь приехал неожиданно. <...> Сказал жене: – “Из-за сапог или из-за пуговиц ваш муж не явился последний раз?” (Мундирные пуговицы. Статуша графиня Бобринская извиняла меня тем, что у меня не были они нашиты)» [3. Т. 8. С. 35, 575].

Пушкин – Н.Н. Пушкиной, 3 июня 1834 г. из Петербурга в Полотняный завод: «В прошлое воскресенье представлялся я к великой княгине. Я поехал к ее высо-

честву на Каменный остров в том приятном расположении духа, в котором ты меня привыкла видеть, когда надеваю свой великолепный мундир» [3. Т. 10. С. 488].

Случалось, Пушкину приходилось одалживать детали своего выходного туалета, дабы соответствовать светским правилам, о чем свидетельствует дневниковая запись от 18 декабря 1834 г.: «Третьего дня был я наконец в Аничковом. <...> На лестнице встретил я старую графиню Бобринскую <...>. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем <...>. Граф Бобринский <...> велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели» [3. Т. 8. С. 58].

Близкий знакомый Пушкина В.А. Соллогуб вспоминал: «Пушкина я видел в мундире только дважды. Он ехал в придворной линейке, в придворной свите. Известная его несколько потертая альмавива драпировалась по камер-юнкерскому мундиру с галунами» [2. Т. 2. С. 189]. «Певец свободы, наряженный в придворный мундир, для сопровождения жене красавице, играл роль жалкую, едва ли не смешную <...>. Это он чувствовал глубоко. К тому же светская жизнь требовала значительных издержек, на которые у Пушкина не доставало средств» [2. Т. 2. С. 290–291].

Денежные проблемы, одолевавшие женатого Пушкина, нередко решались за счет заклада дорогих костюмных аксессуаров самой Натальи Николаевны:

«1 февраля 1836 г. Взято Пушкиным у Шишкина 1200 р. Под залог шалей, жемчуга и серебра. В.Л. Модзадевский. Архив опеки над имуществом Пушкина» [2. Т. 2. С. 243].

«13 марта 1836 г. Взято Пушкиным у Шишкина 650 р. Под залог шалей, жемчуга и серебра. В.Л. Модзадевский. Архив опеки над имуществом Пушкина» [2. Т. 2. С. 247].

«25 ноября 1836 г. взято Пушкиным у Шишкина 1250 руб. под залог шалей, жемчуга и серебра. В.Л. Модзадевский. Архив опеки над имуществом Пушкина» [2. Т. 2. С. 329].

Но костюмный антураж семейного повседневья создавал поэту не только денежные проблемы:

Пушкин – С.Л. Пушкину в конце дек. 1936. г. Из Петербурга в Москву: «Моя свояченица Катерина выходит за барона Геккерена, племянника и приемного сына посланника короля голландского. Это очень красивый и добрый малый, он в большой моде и 4 годами моложе своей нареченной. Шитье приданного сильно занимает и забавляет мою жену и ее сестру, но приводит меня в бешенство. Ибо мой дом имеет вид модной бельевой мастерской» [3. Т. 10. С. 617, 882].

Дуэль и смерть Пушкина в зеркале поэтики костюмных текстов. Как знамение трагического исхода жизни Пушкина может быть прочитан сюжет с перстнем, описанный В.А. Соллогубом и имевший место, очевидно, осенью 1836 г.: «Однажды, на вечере у князя Вяземского, он вдруг сказал, что Дантес носит перстень с изображением обезьяны. Дантес был тогда легитимистом и носил на руке портрет Генриха V. – “Посмотрите на эти черты, – воскликнул тотчас Дантес, – похожи ли они на г. Пушкина?” Размен невежливости остался без последствий» [2. Т. 2. С. 289–290].

Свидетельства современников, собранных Вересаевым, позволяют, исходя из хронологии событий, составить свод костюмных текстов, связанных с дуэлью и смертью поэта.

«Начал одеваться; вымылся весь, все чистое; велел подать бекешь; вышел на лестницу. – Возвратился, – велел подать в кабинет большую шубу и пошел пешком до извозчика. – Это было ровно в 1 час. В.А. Жуковский» [2. Т. 2. С. 378].

«Снег был по колена <...>. Наконец, вытоптана была тропинка в ариин ширину и в двадцать шагов длиною; плащами означали барьеры. В.А. Жуковский – С.Л. Пушкину» [2. Т. 2. С. 380].

«Морозу было градусов пятнадцать. Закутанный в медвежью шубу, Пушкин молчал <...>. Отмерив шаги, Данзас и д'Аришак отметили барьер своими шинелями и начали заряжать пистолеты. <...> по сигналу, который сделал Данзас, махнул шляпой, они начали сходить. Пушкин первый подошел к барьеру <...> и, остановясь, начал наводить пистолет. <...> Дантес, не дойдя до барьера одного шага, выстрелил <...>. А. Аммосов» [2. Т. 2. С. 380–381].

«Пушкин упал на шинель, служившую барьером, и остался неподвижным, лицом к земле. Виконт д'Аришак – кн. П.А. Вяземскому» [2. Т. 2. С. 381].

«На коленях, полулежа, Пушкин целился в Дантеса в продолжение двух минут и выстрелил <...>».

«Геккерен упал <...>; пуля пробила мясистые части правой руки, коею он закрыл себе грудь, и, будучи тем ослаблена, попала в пуговицу, которою панталоны держались на подтяжке против ложки: эта пуговица спасла Геккерена. В.А. Жуковский – С.Л. Пушкину» [2. Т. 2. С. 382].

«Домой возвратились в шесть часов. <...> Его внесли в кабинет; он сам велел подать себе чистое белье; разделся и лег на диван, находившийся в кабинете. <...> Жена вошла уже тогда, когда он был совсем раздет. В.А. Жуковский – С.Л. Пушкину» [2. Т. 2. С. 390].

По желанию вдовы Пушкин был положен в гроб не в камер-юнкерском мундире, а во фраке; «между тем государь сказал: “верно это Тургенев или князь Вяземский присоветовали”. А.И. Тургенев – Н.И. Тургеневу, 28 февр. 1837 г.» [2. Т. 2. С. 423]. По свидетельству А.И. Тургенева, уважение к памяти поэта со стороны огромного числа людей, бывших на его отпевании в Конюшенной церкви, было столь велико, что все полы сюртука Пушкина были разорваны в лоскутки [2. Т. 2. С. 439]. В.А. Жуковский и П.А. Вяземский положили в гроб Пушкина свои перчатки [2. Т. 2. С. 447].

После кончины поэта многие костюмные аксессуары пушкинского гардероба как знаки памяти разошлись по друзьям поэта:

«Я думаю, вам приятно будет иметь архалук, который был на нем в день его несчастной дуэли. Н.Н. Пушкина – П.В. Нащокину от 6 апр. 1837 г.» [2. Т. 2. С. 376].

«После смерти Пушкина Жуковский прислал моему мужу серебряные часы покойного, которые были при нем в день роковой дуэли, его красный с зелеными клеточками архалук <...>. В.А. Нащокина» [2. Т. 2. С. 377].

«Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень с изумрудом, который он всегда носил

последнее время и называл <...> талисманом; досталась от Жуковского последняя одежда Пушкина, после которой одели его, только чтобы положить в гроб. Это черный сюртук с небольшою, в нозетку, дырочкою против правого паха. В.И. Даль» [2. Т. 2. С. 456].

Этим печальным свидетельствам скорби и памяти о русском поэте противостоят нелепые костюмные радости сестры Натальи Николаевны, Екатерины, недалекий ум которой уготовил ей трагикомическую роль в любовном треугольнике – быть запасным игроком для прикрытия неблагоприятных деяний предмета ее обожания и виновника гибели национального гения России:

«Одна горничная (русская) восторгается твоим умом и всей твоей особой, что тебе равного она не встречала во всю свою жизнь, и что никогда не забудет, как ты пришел ей похвастаться своей фигурой в сюртуке. Ек.Ник. Дантес-Геккерен – Жоржу Дантесу» [2. Т. 2. С. 458].

После двух лет безотрадной жизни в доме своего брата в Полотняном Заводе вдова поэта благополучно вернулась в Петербург, где была радушно встречена друзьями Пушкина. По воспоминаниям дочери Натальи Николаевны от второго брака, А.П. Араповой, император «<...> выражал желание, чтобы Наталья Николаевна по-прежнему служила одним из лучших украшений его царских приемов. Одно из ее появлений при дворе обратилось в настоящий триумф. В залах Аничковского дворца состоялся костюмированный бал в самом тесном кругу. Ек.Ив. Загряжская подарила Наталье Николаевне чудное одеяние в древнееврейском стиле <...>. Длинный фиолетовый бархатный кафтан, почти закрывая широкие палевые шальвары, плотно облегал стройный стан, а легкое из белой шерсти покрывало, спускаясь с затылка, мягкими складками обрамляло лицо и ниспадало на плечи» [2. Т. 2. С. 474].

Костюмные тексты как историческое наследие.

Если из всей коллекции костюмных текстов в жизни Пушкина выбрать тексты биографического жанра, то такими, безусловно, будут *халат Пушкина* – как вещный «приют спокойствия, трудов и вдохновенья» и *камер-юнкерский мундир* – символ тяжких моральных оков, от плена которых поэта освободила только смерть. Однако есть в костюмной жизни Пушкина еще один неприметный с виду аксессуар, семантическая сила которого, преодолевая притяжение линии жизни поэта, вырастает до символа противостояния двух мировоззрений, двух культур. Этим символом становится *пуговица Пушкина*. Именно так назвала свою книгу итальянская исследовательница истории дуэли и смерти русского Гения Серена Витале [4]. Название книги восходит к одному известному по мемуарным источникам костюмному казусу из повседневья Пушкина последних лет его жизни:

«(1834–1836). В числе гулявшей по Невскому публики почасту можно было заметить и А.С. Пушкина, но он, <...> привлекая на себя взоры всех и каждого, не поражал своим костюмом, напротив, шляпа его далеко не отличалась новизною, а длинная бекеша его тоже старенькая. Я не погрешу перед потомством, если скажу, что на его бекешу сади на талии недоставало одной пуговицы. Отсутствие этой пуговицы меня каждый раз смущало, когда я встречал А. С-ча и видел это.

Ясно, что около него не было ухода <...> Н.М. Колмаков» [2. Т. 2. С. 234].

И хотя в заглавии книги С. Витале фигурирует одна пуговица – Пушкина, в тексте присутствует и вторая – пуговица Дантеса, спасающая, как утверждают мемуаристы, его жизнь во время дуэли с поэтом. И очевидно, по мысли автора, две эти пуговицы должны символизировать в читательском восприятии «две линии жизни, две судьбы» [5. С. 409].

К сказанному следует добавить, что в сознании массового читателя костюмный облик поэта прочно связан с двумя самыми известными его портретами 1827 г. – кисти О. Кипренского (Третьяковская галерея, Москва) и В. Тропинина (Всероссийский музей А.С. Пушкина, Санкт-Петербург).

Портрет О. Кипренского – художника петербургской школы живописи – являет зрителю поэта-денди, столичного жителя, любимца муз и женщин: черный сюртук, кашне из ткани экосез, накинутое на правое плечо, черный галстук, белый воротник рубашки, тщательно отполированные ногти. Из перечисленных костюмных аксессуаров внимание заслуживает кашне, выполненное из клетчатой шотландской ткани под названием *экосез* (от франц. *ecossais* – шотландский), являвшейся характерной особенностью шотландской мужской юбки. Распространение тканей в клетку в России в 1830–1850-е гг. было связано с увлечением историческими романами Вальтера Скотта. Однако в мужской одежде «восторг перед английской литературой могли демонстрировать лишь галстуки, кашне и носовые платки» [4. С. 339].

«В портрете работы Кипренского, – отмечает И.Е. Данилова, – изображен не столько сам Пушкин, сколько Пушкин в облике Онегина или, может быть, наоборот – Онегин в образе Пушкина» [7. С. 111]. Художник невольно или сознательно отразил в образе Пушкина сложившееся не без влияния литературных образцов представление читателя о герое своего времени – молодом человеке, отказавшемся от принятых в обществе атрибутов светскости. Неслучайна и избранная художником позиция Пушкина – отстраненный взгляд на чистом ампирном фоне, руки, сложенные крестом. В такой же характерной для поэта позе он запечатлен в акварели П.Ф. Соколова 1836 г., картине неизвестного художника «Субботнее собрание у Жуковского», а также гравюре Е. Гейтмана с рисунка А. Нотбека, где Пушкин и Онегин изображены стоящими на набережной Невы против Петропавловской крепости. Гравюра, в свою очередь, восходит к известному наброску, сделанному рукой самого Пушкина [8. С. 30]. Закрепленные театральными и кино-версиями «энциклопедии русской жизни», костюмные образы поэта и его героя станут нетленными для читательской аудитории многих поколений.

Портрет кисти В. Тропинина – художника московской школы живописи – являет зрителю повседневного Пушкина – цветистый архалук, расстегнутый ворот рубашки с большим белым воротником, небрежно повязанный галстук. Идея создания этого портрета принадлежит другу Пушкина С.А. Соболевскому, которому «хотелось сохранить изображение поэта, как он есть, как он бывал чаще, и он просил известного ху-

дощника Тропинина нарисовать ему Пушкина в домашнем его халате, расстеганного, с заветным мистическим перстнем на большом пальце» [2. Т. 1. С. 373].

Образ Пушкина в приватной позе творческого вдохновения на портрете Тропинина прочитывается как антитеза его же образа, но в позиции публичного одиночества, на портрете Кипренского. Однако есть в пушкинской иконографии еще один примечательный портрет, в определенной мере воплощающий оба лика Пушкина. Речь идет о наброске портрета поэта, выполненного осенью 1836 г. тогда шестнадцатилетним князем П.П. Вяземским – сыном друга Пушкина, князя П.А. Вяземского – в его ученической тетради. Этот рисунок, не давая портретного сходства в той мере, в какой дают работы профессиональных художников, является, тем не менее, уникальным биографическим свидетельством о домашней одежде поэта во всех ее частных деталях и подробностях, которые молодой Вяземский мог наблюдать лично. В описании этого рисунка А.В. Корниловой «<...> одежда поэта состоит из старого, поношенного сюртука с расширен-

ными манжетами, согласно моде 1830-х годов. Два ряда пуговиц вдоль бортов отпороты. Вместо них сверху, на груди, сделана одна специальная лямка-застежка, при помощи которой сюртук легко запахивается. <...> бархатный отложной воротник высоко поднят и плотно обхватывает темный завязанный узлом шейный платок. Штаны <...> домашние, широкие, а не зауженные со штрипками, какие полагалось носить с сюртуком» [8. С. 34].

Примечательно, однако, что на рисунке Вяземского, как и на портрете кисти Кипренского, Пушкин изображен «с руками, сжатými крестом». Такая позиция поэта вкупе с домашним его одеянием придает его образу дополнительный штрих, акцентируя внимание на то ускользающее от вербализации единство противоположных деталей и подробностей, которое и являет собой личность Гения как художника и человека повседневного. Костюмные лики Пушкина и в повседневной жизни, и в живописных портретах столь же многообразны и неоднозначны, как и лики его души – его стиля мышления, чувствования, поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манкевич И.А. Костюмные тексты в произведениях А.С. Пушкина в культурологическом прочтении // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 310. С. 31–37.
2. Вересаев В.В. Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников: В 2 т. М., 2001.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1957–1958.
4. Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 в. М., 1995.
5. Витале С. Пуговица Пушкина / Пер. с англ. Калининград, 2001.
6. Лукин А. Послесловие к русскому изданию книги Серены Витале «Пуговица Пушкина» // Витале С. Пуговица Пушкина. Калининград, 2001.
7. Данилова И.Е. «Исполнилась полнота времен...» М., 2004.
8. Корнилова А.В. Пушкин в рисунке П.П. Вяземского // Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л., 1969. С. 29–35.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 26 сентября 2008 г.